

ЕЛЕНА АУГУСТ
**Лунная
Волчица**

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2027

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А93

Иллюстрации: *Ксения Кеупари*
Дизайн обложки и иллюстрация на форзацах:
Курта Олег

Аугуст, Елена.

А93 Лунная волчица / Елена Аугуст ; художник Ксения Кеупари. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2027. — 256 с. : ил. — (Мой миф — моя легенда).

ISBN 978-5-17-179667-9

Жители Бёрё Кель который год подряд переживают страшно морозную зиму. Холода с каждым годом подбираются ближе и ближе к их землям, а снегá лежат всё дольше. А тут ещё близится Новый год, опасное время, когда Император Зимы ищет пропавшую невесту. Никто не знает, как он похищает девушек — самые красивые просто исчезают из своих домов...

Две сестры — послушная темноволосая Шима и озорница Кава, с белоснежными косами, — готовятся к Испытанию Близнецов. С девочками занимается жрица, владеющая волшебной силой и говорящая с духами. А вот у Шимы и Кавы магические силы пока не проявились, хотя и ведут девушки род от солнечного бога О'Каами.

Перед Испытанием на Каву нападает демон-абаасы, а Шима исчезает... И тогда Кава отправляется на поиски сестры, навстречу неведомым опасностям, прямо во тьму Запретного царства мёртвых.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-179667-9

© Аугуст Е., текст, ил., 2027
© ООО «Издательство АСТ», 2027

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы не моё упрямство, моя сестра-близнец Шима не пропала бы. И мне не пришлось бы в одиночку проходить Испытание, уготованное для нас богами.

Недалеко от того места, где мы жили, свирепствовали тёмные силы Запретного царства мёртвых. Все в наших краях знали, насколько жестокими они могли быть.

Конечно, мы их боялись, но пока со мной и Шимой ничего не произошло, я чувствовала себя в безопасности. И я даже представить себе не могла, что может что-нибудь случиться с нами, ведь мы всегда с сестрой были вместе. Но потом...

Глава 1

НАПАДЕНИЕ МОНСТРА

Начало дня такое скучное, словно сегодня и не наш с сестрой Шимой четырнадцатый день рождения. Я не могу найти ни торта, ни милых сюрпризов, ни подарочных коробок.

С подарками от папы всё понятно, ему некогда было их готовить. Он уже неделю охотится в Ближнем лесу, а вот тётя — сестра отца... Она же обещала! Но нет, тётя просто ушла из дома, даже записку не оставила.

И, как будто этого мало, оказывается, что сегодня моя очередь мыть посуду после завтрака.

Ну что за невезучий день рождения!

Вдруг одна из моих кос возьми да и расплестись. Так что вместо уборки на кухне мне надо ею заняться.

— Давай помогу, — предлагает Шима.

— Думаешь, я совсем безнадёжная? — рычу я, поглядывая на косы сестры. Амулеты, ленты и медальоны вплетены в них так крепко, что никогда не выпадают во время ритуальных танцев.

— Я одного не понимаю, что не так с твоими косами... — говорит Шима.

— А что с ними не так?

— Почему они расплетаются каждый раз, когда твоя очередь мыть посуду? — спрашивает Шима.

Я нервно сглатываю. Неужели сестра разгадала мой трюк?

— Ага! Кажется, я поняла, в чём дело... — Её узкие глаза становятся ещё уже. — В доме у нас завёлся монстр. Это он расплетает твои косы.

Шима делает страшное лицо, её пальцы становятся похожими на когти и царапают воздух, точно хотят схватить меня!

— Нет! Не надо! — я вскрикиваю и бросаюсь наутёк от сестры.

Шима несётся за мной, но я спотыкаюсь о подушку на полу, мы сталкиваемся и падаем уже вместе. Она смеется так сильно, что в груди у неё звенит. Потом Шима резко садится, показывает мне обломок деревянного амулета:

— Вот он! Монстр! Я нашла его под твоей подушкой.

У обломка острые и неровные края. Он сделан из чёрного дерева колдунов. Я вижу на нём несколько дырочек, через них можно пришить амулет к одежде. А ещё я замечаю чёткие трещинки, они похожи на буквы, но это неважно! Не стоит пытаться прочесть чужие письма, чтобы не быть околдованным ими!

— Эй! Он не мой! — кричу я.

— И не мой... — Шима бросает обломок на пол. — Может, папы или тёти?

— Нет, у них металлические и кожаные амулеты, как и у нас с тобой. — Я задерживаю дыхание

и шепчу, теряя голос от волнения: — А вдруг это демон-абаасы¹?

— Фу! Не пугай!

— А почему нет? Жрица говорила, что демоны-абаасы могут превращаться во что угодно...

Шима бледнеет.

— Они могут вселяться в животных, предметы... и даже... в человека, — продолжаю я зловещим шёпотом.

— Сожжем его! — кричит Шима.

И только когда обломок чужого амулета вспыхивает в пламени очага и превращается в пепел, мы обе вздыхаем с облегчением. Шима возвращается на кухню, а я иду к зеркалу, чтобы переплести косу.

Волосы у меня не жёсткие и чёрные — как у сестры Шимы, отца или местных жителей, — а мягкие и белые. Отец говорит, что я пошла в кого-то из дальней маминой родни. Но маму я совсем не помню.

Если верить словам Шимы, белый цвет волос защищает меня от недобрых сил, которыми кишмя кишит наш дикий северный край: и ёкаи², и абаасы, и призрачная армия владыки Запретного царства Ёми³.

А в Синих горах, в стране вечных льдов, живёт Император Зимы. Говорят, что тело у него снежное, а сердце из льда. Души и вовсе нет. И он не уйдёт

¹ *Абаасы* — в якутской мифологии злой дух. Искушает людей на плохие поступки, может превратиться в кого и во что угодно.

² *Ёкаи* — в японской мифологии собирательный образ сверхъестественных существ.

³ *Призрачная армия Ёми* — в японской мифологии Ёми — царство мёртвых.

из мира, пока не вернёт ту единственную, которую однажды потерял.

Много разных историй о Синих горах и о Тьме, что рождается в них, рассказывают у нас — одна страшнее другой. Но самая жуткая про то, что происходит под каждый Новый год. Император Зимы ищет пропавшую невесту.

Никто не знает, как он похищает девушек — самые красивые просто исчезают из своих домов. И не важно, насколько знатная семья, сколько у них домашнего скота или сколько благовоний они сожгли в ночь на Тринадцатую Луну последнего месяца года — сивасу.

Очень давно солнечные волки О'Каами¹, нашего первопредка, оттеснили Императора Зимы к Синим горам. Но когда призрачная армия Ёми истребила О'Каами, защитить нас стало некому.

Вот уже пятнадцать лет Император Зимы владеет земным миром. Холода с каждым годом подбираются ближе и ближе к нашим землям, а снега лежат всё дольше. Последние два года были особенно тяжёлыми. От сильных морозов полегло много скота, за два месяца холодного лета не успели созреть озимые, а теперь и звери в Ближнем лесу попрятались.

Чтобы не потерять надежду, мы, жители Бёрё Кёль, не смотрим на Север в сторону Синих гор, где призрачная армия Ёми охраняет подступы к миру богов и владениям Императора Зимы.

¹ О'Каами — в японской мифологии посланник богов. Он понимает человеческую речь и умеет заглядывать в сердца людей. Его миссия — защищать людей, леса и горы.

Мы смотрим на Юг.

Ждём, когда вспомнит о нас заблудившийся где-то среди морских волн ветер Фудзин¹. Задует с Волчьего моря и принесёт с собой оттепель.

★ ★ ★

В мои мысли вторгается голос Шимы. Она нашла записку от тёти, которую та прикрепила к двери. Когда у кого-то в семье ожидается прибавление, она уходит на помощь. Бывает, что не возвращается по несколько дней. В этот раз ей пришлось уйти посреди ночи. Она пишет, что на подходе снежная буря, и просит нас остаться дома, пока не вернётся.

«Замороженное молоко в подвале, оленина там же. Рисовые лепёшки испечёте сами. И не выходите. Обещаете?» — читает Шима вслух и отвечает так, будто тётя может её услышать:

— Конечно, мы обещаем.

Вот же подлиза — вся из себя такая приличная.

— А я не обещаю. И не говори за меня! — кричу я из-за деревянной шторы, где умывальня и зеркало.

Иногда Шима бывает противной, как сейчас, — строит из себя милую и послушную. И тогда я становлюсь врединой. Иначе меня стошнит от нашей хорошеести. Но я всё равно сестру люблю, не сомневайтесь.

Кошка Цукико тут как тут — примчалась на мои крики, будто что-то понимает. Крутится у ног, кусает за пятки.

¹ *Фудзин* — японский бог ветра в учении синто.

— Отстань. Иди к своей любимой Шиме, а я занята, — огрызаюсь я.

Кошка Цукико таращится, фырчит. И мне чудится — в её светлых, как свет зимней луны, глазах мечутся сердитые искры. А в фырчании слышен упрёк.

— Уходи, хватит меня воспитывать, — шепчу я.

Мне не до кошки. Мне вообще ни до кого. От мысли, что сегодня, в день рождения, придётся сидеть дома, на глаза наворачиваются слёзы и в груди печёт и болит.

Всё внутри закипает от обиды на зиму. Ну почему? Почему мы с Шимой не родились летом или весной? Ну или, в конце концов, — осенью? Почему — в самые сильные морозы и снежные бури, когда лютует зима?

А я так надеялась встретить Нука, когда пойдём на занятия к жрице. В последнее время, где бы мы ни встретились, я ловлю на себе изучающий взгляд Нука. Может, он влюбился в меня? И сегодня скажет, что главная в его жизни я, а не Шима?

Я с силой дёргаю себя за косу, так что становится больно уже не внутри, а снаружи, и всхлипываю.

— Не реви, — просит Шима. — Лучше выгляни на улицу, нам до жрицы ни за что не дойти.

Я отодвинула штору и обомлела. Снега за ночь нанесло под самую крышу — ни зги не видно.

— Снега выпало целое море, а мы ничего не слышали?

Я несусь к сестре, на ходу подвязывая косу.

— Потому что нет в мире ничего тише снега, — с умным видом заявляет она и бормочет под нос: — Лунные волки знают.

Но я всё равно слышу её и смеюсь:

— Они на луне живут, что ли?

Ладно бы ещё вспомнила про солнечного волка О'Каами, нашего прародителя, а то про каких-то лунных придумала. Умора.

— Лунные волки живут на земле.

— А где на земле? — не отстаю я.

Шима небось опять думает, что умнее меня? А я вот так не думаю.

— Там, где нас нет, — отвечает она.

★ ★ ★

Вот вечно Шима так. Что-нибудь эдакое загнёт, а я потом голову ломаю, догадывайся, правда или нет. Строит из себя взрослую и умную. А у нас с ней разница всего ничего — мы же близнецы, хоть совсем не похожи. Наверное, потому, что я пришла в этот мир в полночь, а Шима — на рассвете.

Но, несмотря на то что я родилась раньше, Шима считается старшей в семье. Ведь она вся из себя такая благоразумная и всё делает, как надо тёте. У неё из кос никогда не выбьется ни одна волосинка. А обереги и амулеты вплетены в них так крепко, что ни разу не выпали, даже когда мы разучивали ритуальный танец Кагура¹. Да и руки и лицо всегда чистые.

А меня тётя постоянно шпыняет. Называет безответственной и баламуткой. Если с нами что-нибудь случается, достаётся всегда мне.

¹ *Кагура* — в японской мифологии ритуальный танец, чтобы выманить богиню солнца Аматаэрасу из пещеры Аmano-Ивата, где та скрылась, повергнув мир во тьму.

Иногда мне кажется, что тётя просто не любит меня и потому не упускает случая лишний раз прицепиться. То ей не нравится, как я накосные украшения вплела, то она недовольна уборкой комнат и мытьём посуды, то узор на платье, видите ли, вышла уродливый, то в плетении оберега напортила.

Перечислять можно до бесконечности, но я всё чаще думаю, что тётя права — я на самом деле бестолковая растяпа и неумеха. И можно даже не пытаться одолеть Шиму в Испытании, которое ждёт нас с ней уже через неделю, под Новый год.

Испытание Близнецов.

Слышали про такое? Нет? Ага... Вот и у нас никто не слышал и не знает. Просто после нашего рождения жрица получила от Шамана Котоамасу-сан весть: «Высшие силы назначили сёстрам Испытание Близнецов».

Надо сказать, что Шамана Котоамасу-сан никто никогда в наших краях в глаза не видел. Одна только жрица общается с ним через сны. Получает от него разные задания, а бывает, и предсказания, как в случае с нами.

Раньше близнецы здесь никогда не рождались. Так что люди разное говорят — не знаешь, кого слушать и кому верить.

Наша тётя считает, что одна из нас дьяволица, а вторая — чистая душа. Повариха из чайной на соседней улице, тётя Мияко, утверждает, что сильнейшая вберёт в себя другую и мы станем одним человеком — с тёмными и светлыми сторонами души. Приятель отца Аргон убеждён, что победившая в Испытании Близнецов заберёт душу, имя

и священный волчий амулет другой, а проигравшая станет до самой смерти называться «Вторая».

Для меня это то же самое, что «Незванная». Вроде как мы тебя не звали, вот иди и гуляй где-нибудь от нас подальше.

А я не хочу называться ни «Первой», ни «Второй». Мы же с сестрой как две ветки на одном дереве, две части одного мира. Нам нельзя друг без друга.

У нас не только общий амулет — волчий зуб, поделённый на две части, но и имя — Шима-но-Кава. Это значит «остров и река».

Кстати, про общее имя. Глупее не придумаешь, правда? И как Шаман Котоамасу-сан до такого додумался? Наверное, ему скучно было в своём шаманском мире, вот он и нашёл себе развлечение.

Ну как два человека из одной семьи могут называться одним именем?

Вот представьте себе, идём мы такие с сестрой по улице, и вдруг кто-то окликает:

— Эй, Шима-но-Кава!

— Которая?

— Да не ты! — обычно машут в мою сторону, а потом показывают на сестру: — А ты.

Ну кому понравится, чтобы в вас тыкали пальцем или отмахивались, как от мухи? Лично мне — нет. И когда нам с сестрой исполнилось пять лет, я предложила разделить имя, как и наши половинки амулетов.

Сестре идея понравилась, и мы бросили жребий: две виноградины разного цвета. Ей досталась зелёная виноградина и имя Шима — остров, а мне

синяя и имя Кава — река. С тех пор все в Бёрё Кёль нас так и зовут: Шима и Кава.

В отличие от меня Шима умелая и надёжная. Всё у неё спорится в руках, к каждому она найдёт доброе слово. С ней я чувствую себя в безопасности. Да и любой, кто рядом оказывается, начинает с Шимой откровенничать и пытается завести дружбу. Мальчишки или девчонки — без разницы.

Возьмём, к примеру, Сатико, дочку знахарки. Каждый день у нашего дома засады устраивает, вылавливает Шиму — хочет дружить и наверняка говорит про меня всякие гадости, чтобы поссорить. С неё станется. Хитрая, что столетняя лиса. А то у дома жрицы караулит, куда мы с сестрой ходим на занятия.

Но Шима только моя и больше ничья. Я ни с кем не собираюсь её делить. Надеюсь, Испытание Близнецов докажет, что лучше меня для Шимы никого на свете нет и не будет.

Ага, а вот ещё о жрице что вспомнила. Она умеет через воду говорить с силами природы. Шаман Котоамасу-сан доверил ей готовить меня и Шиму к Испытанию Близнецов. Жрица открывает нам секреты знахарства, помогает овладеть магическими заклинаниями, плести защитные амулеты из белого конского волоса и посылать тайные послания иччи¹. В походах по Ближнему лесу она поит нас чаем икигай — священной травы, заваренной на костре. Она уверена, что знания помогут нам в трудный час. Мы должны быть во всеоружии.

¹ Иччи — в якутской мифологии дух вещей, явлений, идей и мыслей.

Только с магией у нас с сестрой проблемы — никакой силой мы, похоже, не отмечены свыше. Жрица велит не расстраиваться. Мол, потомуки О'Каами — ещё те крепкие орешки.

Сила у нас точно есть, ведь отец наш из рода солнечного бога О'Каами, но какой-то заслон в душе не даёт ей проявиться. И никакие заклинания не помогают.

А Нук, приёмный сын жрицы, учит нас строить шалаш, разводить костёр на снегу, а ещё — стрелять из лука, добывать пропитание в Ближнем лесу и ловить рыбу в Волчьем море. Мы с сестрой стараемся как можем, но я чувствую, что моя сила явно не в этом.

А ещё Нук рассказывает нам легенды края. Но он никогда, никогда не говорил про лунных волков.

★ ★ ★

Поэтому на слова Шимы я громко смеюсь:

— Ничего не слышала про твоих волков с луны. Зато я знаю, что снег — самая шумная вещь на свете. — Я торопливо перечисляю, что мне известно про снег: — Снег скрипит под лыжами и санками. Снег трещит на морозе. Снег шепчет снежинками. А в бурю снег свистит и воет почище лютого волка.

Шима добродушно улыбается, взъерошивает мне чёлку.

— То не снег воет, а ветер и настоящие волки. — И её чёрные глаза на короткий миг вспыхивают и будто светятся изнутри, озаряя лицо.

Как же красиво.

— Да хоть бы и так... — Я ворчу и со страшной силой завидую Шиме. Мои светло-серые глаза и белые волосы кажутся такими невзрачными рядом с сестрой. Ух, как мне хочется треснуть её, чтобы не задавалась.

— А проверим, какой снег тихий? — коварно предлагаю я.

Шима молчит.

Ах. Ну да. Как же я забыла?

Если мы выйдем на улицу, когда нам не решили, и что-то пойдёт не так, тётя сразу догадается, что во всём моя вина. И снова задаст мне перцу. Потому что она всегда срывается на мне — мол, это я сбиваю с толку умницу-сестру. А Шима в такие моменты защищает меня.

Обманщица. Если бы хотела защитить, не притворялась бы умницей-разумницей. Уж я-то знаю, какая она на самом деле бывает бестия.

И оттого, что Шима вся из себя такая заботливая, мне ещё сильнее хочется сделать каверзу. И наплевать, что тётя рассердится или наябедничает отцу и тот будет переживать за меня.

Во мне просыпается вредина, и я продолжаю подначивать сестру:

— Ну так что? Проверим?

Наконец и кошка подключается. Мяучит на разные голоса — просится на улицу.

— Цукико выпустим, но сами не пойдём, — решает Шима.

— Почему?

— Нельзя. Тётя не разрешила, на улице буря. — Шима краснеет и хмурится.

